



При поддержке
Международного
грантового конкурса
«Православная инициатива»



Нижегородский
государственный
университет
им. Н. И. Лобачевского



Отдел культуры Нижегородской митрополии
Русской Православной Церкви
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Нижегородская духовная семинария
Приход Спасо-Преображенской (Карповской) церкви
Нижегорода

ЯЗЫК ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ: история, традиции, современная практика

Материалы
I Международной
научно-практической конференции

23 мая 2019 г.

УДК 27-5(063)
ББК 83.372-5я431
Я 41

Издание осуществлено при поддержке фонда
«Православная инициатива», грант № 1802228

Редакционная коллегия:
Р.А. Гоголев (отв. редактор),
Д.В. Семикопов, протоиерей Михаил Сторонкин

Я 41 **Язык православного богослужения: история, традиции, современная практика.** Материалы I Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: ООО «Бегемот-НН», 2019. – 160 с.

I Международная научно-практическая конференция «Язык православного богослужения: история, традиции, современная практика» состоялась в Нижнем Новгороде 23 мая 2019 года, в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры. Организаторами мероприятия выступили Отдел культуры Нижегородской митрополии Русской Православной Церкви и приход Спасо-Преображенской (Карповской) церкви Нижнего Новгорода.

В ходе конференции ученые-филологи, священнослужители, педагоги, переводчики обсудили вопросы перевода богослужения и Священного Писания на национальные языки, затронули вопросы истории развития православного богослужения в России и за рубежом, рецепции церковнославянского языка в русской классической литературе.

Сборник адресован специалистам – филологам, историкам, переводчикам, педагогам и миссионерам, а также всем, интересующимся церковнославянским языком и его значением в истории Православной церкви.

ISBN 978-5-6042059-5-2

© ООО «БегемотНН». 2019

От редакции

Предлагаем вниманию читателя сборник докладов конференции «Язык православного богослужения: история, традиции и современная практика», которая была организована по благословению Высокопреосвященнейшего Георгия, митрополита Нижегородского и Арзамасского отделом культуры Нижегородской епархии в сотрудничестве с Национальным исследовательским Нижегородским государственным университетом им. Н.И. Лобачевского. Участие в мероприятии приняли ученые, преподаватели светских и духовных учебных учреждений, учителя православных гимназий и общеобразовательных школ, а также духовенство митрополии.

Организаторы горячо благодарят за участие коллег из Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова и Свято-Филаретовского православно-христианского института, которые поделились научными изысканиями в области истории церковнославянского языка, а также практики его преподавания. Несомненно, значительный интерес представляет

дискуссия, возникшая вокруг использования церковнославянского языка в богослужении между представителями преподавательской корпорации Нижегородской духовной семинарии. Научно-практические аспекты изучения церковнославянского языка были рассмотрены сотрудниками Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Особым гостем конференции стал представитель Русской Духовной Миссии в Китае (Гонконг), который поделился многолетним опытом и особенностями перевода Священного Писания и православного богослужения на современный литературный китайский язык.

Участники дискуссии сошлись во мнении, что один только перевод богослужения на современный – русский или китайский – язык не сделает автоматически понятным его содержание для значительной части новоначальных прихожан. Без катехизации и широкой проповеди Евангелия среди верующих, не решится главная задача, поставленная Христом перед апостолами: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28:19).

Редакция будет признательна за отзывы на данный сборник и с удовольствием поддержит дискуссию заочно и на будущих конференциях. Вопросы и пожелания можно направлять в отдел культуры Нижегородской епархии по адресу: kultura@nne.ru

ДОКЛАДЫ



Кравецкий
Александр Геннадьевич,
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Научного центра по изучению церковнославянского языка Института русского языка РАН имени В.В. Виноградова (Москва)

УДК 801.82

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА БОГОСЛУЖЕНИЯ: 150 ЛЕТ НАЗАД И СЕГОДНЯ*

© 2019 г.

А.Г. Кравецкий
krav62@mail.ru

Статья представляет собой очерк истории переводов текстов православного богослужения на современный русский язык. Предпосылки начала споров о языке богослужения описываются в связи с формированием в послепетровскую эпоху нового литературного языка и перестройкой системы начального образования. Проблема непонятности богослужения осознается после того, как увеличивается количество людей, учившихся читать не по церковнославянским книгам, а по букварям гражданской печати. Расширение такого способа обучения грамоте делает проблему понятности богослужения все более острой; предпринимаются первые опыты переводов богослужебных текстов. В силу различных культурно-исторических причин эти переводы вызывают в церковном обществе сильное противодействие. Однако в настоящее время имеется значительное количество литургических пе-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект 17-29-09018.

реводов, на основе которых возможно обсуждение проблем выбора переводческой стратегии и анализ особенностей переводческих техник.

Ключевые слова: церковнославянский язык, перевод богослужебных текстов, литургическая реформа, собор 1917–1918 гг., богослужение, книжная справа, история русской церкви.

Постановка проблемы

Задача настоящей статьи дать общий обзор развития проблемы перевода богослужебных текстов на русский язык. При всеобщем интересе к вопросу богослужебного языка подобного общего исторического очерка у нас нет. Исследователи обычно ограничиваются историей церковной дискуссии и анализом действий церковных властей, полемисты же, как правило, ограничиваются вопросом о допустимости переводов и их полезности. В данной статье будет предпринята попытка рассмотреть эту проблему в более широком историческом контексте.

Опыт древней Церкви

Для первых христианских общин вопрос о языке богослужения не стоял и не мог стоять. Чудо Пятидесятницы, евангельский призыв: «Идите, научите все народы» (Мф. 28.19) явно указывали на то, что эпоха языкового разобщения закончилась. О том, что для древней

Церкви вопрос о языке богослужения и проповеди не был актуальным, свидетельствует отсутствие каких бы то ни было предписаний, связанных с этим, в материалах вселенских соборов. Как мы знаем, вселенские соборы давали ответы на вопросы современности. Задачи составить универсальное церковное законодательство соборы не решали. Поэтому отсутствие упоминаний о проблеме переводов – это значимое отсутствие, свидетельствующее о неактуальности темы для того времени.

Какие-то высказывания по вопросу о сравнительном достоинстве языков имеются в святоотеческих текстах. Подборку таких высказываний можно найти в статье Ю.М. Эдельштейна, специально посвященной этому вопросу [1]. Отослав читателей к этой интересной работе, мы здесь лишь ограничимся констатацией, что вопрос о языке богослужения в святоотеческой письменности не рассматривался, а имеющиеся высказывания о языке имеют отношение к истории споров о сущности языка, а не к интересующему нас вопросу.

Сокращение числа языков, используемых в церковной жизни, было связано не с вероучением, а с церковным администрированием. По мере того, как христианство превращалось из религии гонимого меньшинства в государственную религию, воз-

никала проблема наблюдения за чистотой вероучения. Общность языка казалась наиболее действенным средством обеспечения единства вероучения. Если бы для новообращенных народов делались новые переводы, церковная власть лишалась бы физической возможности контролировать содержание богослужебных и вероучительных текстов. А языковое единство давало церковным властям возможность контролировать книги и проверять, не впали ли священники в какую-либо ересь. А те уже могли проповедовать на местных языках и окормлять свою многонациональную паству. Постепенно эта практика получила некоторое идеологическое или богословское осмысление. Появляется то, что в житии Кирилла названо «триязычной ересью» – представление, что языком Церкви могут быть только еврейский, греческий и латынь, языки, на которых была сделана надпись на кресте Спасителя.

Почему в России так поздно заговорили о понятности богослужения

О непонятности богослужения в России заговорили в середине XIX века. Почему это не произошло раньше? Для ответа на этот вопрос нужен небольшой исторический экскурс.

Как известно, письменность пришла на Русь вместе с христианством и богослужебными книгами. На протяжении всего средневековья церковнославянский язык воспринимался как единственно возможный вариант русского литературного языка. Редактирование богослужебных книг проводилось не для того, чтобы сделать богослужение более понятным, а для того, чтобы сделать тексты более «правильными», то есть, приблизить их к греческому оригиналу. Язык богослужения – язык деловой письменности, устные диалекты воспринимались как функциональные стили, варианты одного языка (о языковой ситуации Древней Руси и ее эволюции см. [2]).

Лишь в XVII веке появились единичные опыты перевода церковных текстов на тот вариант литературного языка, который использовался в «приказах», то есть в государственной канцелярии. Наиболее известным из этих переводов является перевод Псалтири, выполненный дьяком Посольского приказа Авраамием Фирсовым [3; 4, с. 915–918]. Ни один из подобных переводов не был опубликован и, соответственно, не стал фактом ни церковной, ни литературной жизни того времени.

Новый русский литературный язык начинает формироваться в результате Петров-

ских преобразований. В результате азбучной реформы появился гражданский шрифт, который использовался для печатания светских изданий (как известно, первой книгой гражданской печати стала вышедшая в 1708 году «Геометрія славенскі семлемеріе іздадеся новотіпографскімъ тісненіемъ...»). А затем на протяжении всего XVIII века филологи и литераторы спорили и размышляли о том, каким должен стать русский литературный язык. Любопытно, что в рамках этих споров были предприняты опыты поэтических переложений Псалтири. Однако эти опыты ни в коем случае не следует рассматривать как первые попытки литургических переводов. Они скорее демонстрируют возможности нового литературного языка и законы версификации. Осуществленные Третьяковским, Ломоносовым и Сумароковым в 1743 и напечатанные в 1744 году, поэтические переложения 143-го псалма были созданы, чтобы продемонстрировать взгляды каждого из поэтов на законы русского стихосложения. Впоследствии Сумароков и Третьяковский осуществили полный перевод Псалтири [5; 6], а Ломоносов – перевод избранных псалмов [7, с. 228–231, 367–386].

На протяжении всего XVIII века новый литературный язык оставался достоянием узкого кружка эстетов, читателей появив-

шихся тогда литературных журналов. Любопытно, что зачитывающаяся французскими романами провинциальная дворянка Татьяна Ларина «...по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалася с трудом / На языке своем родном». На протяжении всего XIX века круг людей, владеющих новым русским литературным языком, постепенно расширяется. Однако прежний, допетровский тип грамотности продолжал сохраняться еще очень долгое время. Но сохранялся он в среде тех, кто не был приобщен к новой европейской культуре, то есть в среде крестьян, мещан и небогатого купечества.

Как в этом случае выглядело обучение чтению? Информацию об этом мы можем получить из многочисленных этнографических и мемуарных свидетельств [8; 9, с. 25–41; 10, с. 30–35]. Первой учебной книгой был церковнославянский Букварь, который традиционно содержал несколько разделов: алфавит с названием букв, двухбуквенные и трехбуквенные слоги, слова под титлами, цифирь, некоторые молитвы и вероучительные тексты. Дети заучивали названия букв, а затем учились составлять из них слоги («буки» + «аз» – ба, «буки» + «люди» + «аз» – бла). Сначала слова читались «по складам», то есть сначала буквы слога назывались «по именам, а затем слог читался целиком (например, слог «ба» по

складам читался «буки-аз-ба»), а затем – «по верхам» (то есть без названий букв). После того как выучивался наизусть Букварь, переходили сначала к Часослову, а затем к Псалтири. В результате такого обучения ребенок выучивал наизусть довольно большой корпус церковнославянских текстов.

Для людей, которые осваивали грамоту таким образом, проблема понимания богослужебных текстов не стояла. Речь, конечно же, не идет о том, что они были в состоянии перевести богослужебные тексты на русский литературный язык (которым они не владели) или могли пересказать содержание того или иного богослужебного песнопения своими словами. Но они и не ощущали потребности в подобной операции. Человеку, выучившему наизусть церковнославянский букварь и Часослов, церковнославянские тексты кажутся естественными и привычными и мысль об их переводе кажется абсурдной.

Проблемы с пониманием церковнославянского текста появляются у представителей интеллектуальной элиты, которых учили читать не по славянскому букварю, а по русскому. Соответственно, дворянский ребенок заучивал наизусть не псалмы, а басни Крылова. Люди, учившиеся читать по гражданским букварям, сталкивались примерно с теми же проблемами понимания церковнославянско-

го текста, с которым сталкиваемся мы. Для них понимание славянского текста предполагало умение пересказать его на другом (русском литературном) языке. А здесь возникали серьезные проблемы. В воспитании дворянина церковнославянский язык появлялся достаточно поздно, нередко уже в гимназии. Поэтому не стоит удивляться тому, что в дворянских мемуарах Библия очень часто упоминается среди книг, прочитанных на европейских языках, а не на церковнославянском [9, с. 34].

Таким образом, можно сказать, что с конца XVIII века и вплоть до большевистской культурной революции в России сосуществовали две культуры и, соответственно, два типа усвоения письменного языка. Одна из этих культур (условно мы назовем ее крестьянской) ориентировалась на церковнославянскую книжность, а другая (дворянская) – на русский литературный язык. При этом «дворянский» вариант грамотности воспринимался как более престижный. Поэтому все проекты народного просвещения были ориентированы на русский литературный язык. К середине XIX века русский литературный язык воспринимали в качестве родного всего около 2,5 процента населения [10, с. 35]. Однако это привилегированное меньшинство составляло интеллектуальную и культурную

элиту страны, определяющую пути развития русской культуры.

Изменение культурно-языковой ситуации и появление первых переводов богослужебных текстов

Начиная с эпохи Александра II, в России постоянно увеличивается количество государственных и частных учебных заведений. Эти учебные заведения ориентируются на «новый» тип грамотности¹, то есть, на буквари гражданской печати. В результате постепенно формируется аудитория, которая видит в церковнославянском тексте определенную проблему, и возникает запрос на русские переводы и толкования богослужебных текстов.

В 1855 году увидела свет подготовленная профессором Санкт-Петербургской духовной академии Евграфом Ловягиным книга «Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках» [11]. Понятно, что адресатом этой книги была не широкая аудитория, а студенты духовных академий и наиболее образованная часть церковного общества.

Нужно сказать, что появление массового интереса к этой проблеме было связано с внешними обстоятельствами. В 1853 году архиепископ Херсонский Иннокентий (Бо-

рисов) подал в Синод программу выпуска в епархиях периодических изданий. С 1860 года эта программа начала реализовываться, в епархиях стали печатать «ведомости», состоящие как из официальной части, так и из неофициальной. Появление епархиальной прессы дало возможность огромному количеству священников попробовать себя на литературном поприще. Среди самых разнообразных материалов, печатаемых в неофициальной части епархиальных ведомостей, были и переводы богослужебных последований. Краткий обзор этих первых публикаций был в свое время сделан Б.И. Сове [12, с. 37–380], а более фундаментальное описание и анализ этих опытов – дело будущего.

В середине 1870-х годов журнал «Христианское чтение» выпустил пятитомную антологию «Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык»² [13]. Это издание, ставящее своей целью познакомить русского читателя с текстами древних литургий, лишь с определенными оговорками можно рассматривать в контексте истории литургических переводов. Дело в том, что опубликованные здесь тексты были переведены с древних языков (греческого, сирийского, армянского, эфиопского, коптского и др.) и, за исключением Литургии Иоанна Златоуста, не имели церковнославян-

ской версии. Поэтому здесь мы имеем дело не с созданием русской параллели к церковнославянскому тексту, а с переводом литургических текстов, которые в славянской традиции отсутствовали. Однако прецедент перевода значительного корпуса богослужебных текстов на русский язык был создан.

К концу XIX века стали появляться и параллельные славяно-русские издания, адресованные нецерковным интеллектуалам. Первой книгой такого рода стало параллельное славяно-русское издание воскресной службы Октоиха, подготовленное однофамильцем переводчика канонов, преподавателем Тобольской духовной семинарии Иваном Ловягиным [14]. Поскольку в предисловии к этой книге дается самая общая информация о видах богослужебных песнопений, можно заключить, что она адресована самому широкому читателю. Позже появились параллельные издания молитвословов, осуществленные протоиереем Н. Успенским [15] и Николаем Зайончковским, писавшим под псевдонимом Н. Нахимов [16]. Это были толковательные переводы. Их авторы не ставили перед собой задачу создать полноценный русский текст, а делали вспомогательный подстрочник, призванный помочь пониманию славянского текста. При этом вопрос о выборе языковых средств перевода не

ставился, а сама проблема, кажется, не осознавалась.

Единственным известным нам примером дискуссии о переводе богослужения на русский язык является полемика о технике переводов богослужебных текстов на русский язык, которую вели на страницах «Церковных ведомостей» Н.Ч. Зайончковский и П.П. Мирносицкий. Останавливаться на этой полемике мы не будем, а отошлем читателя к нашей более ранней работе [9, с. 125–139]. Показательно, что современники эту дискуссию не заметили и никакого резонанса она не имела.

Общественная дискуссия о языке богослужения

После 1905 года дискуссия о различных проблемах церковной жизни заметно активизировалась. Известно около 150 публикаций, посвященных языку богослужения [17, с. 46]. Уже тогда были сформулированы основные аргументы, к которым и по сей день прибегают сторонники и противники русификации богослужения.

Сторонники перевода говорили:

- богослужение меняется, а значит, может быть упрощено;
- молитва – это сознательная беседа с Богом и она возможна лишь на родном, а не иностранном языке;

- уход православных к сектантам (и вообще уход из Церкви) связан с тем, что в православных храмах верующие не понимают происходящего, а у сектантов все понятно. Противники переводов утверждали:
- проблема непонятности сильно преувеличена, и народ лучше понимает Псалтирь, чем современных писателей;
- церковнославянское богослужение – сложный поэтический текст и его перевод приведет к огромным потерям;
- славянское богослужение едино для всех православных славянских народов, а переводы разрушат это единство;
- отказ от церковнославянского богослужения чреват большими потерями для культуры;
- русский перевод не решит проблемы непонятности, так как перед нами тексты со сложной метафорикой.

Действия церковной власти

Под влиянием общественного мнения церковная власть также начала искать способы сделать богослужение более понятным.

Как известно, в 1905 году в связи с идеей созыва Поместного Собора правящим архиереям были разосланы анкеты с вопросами о перспективах церковных реформ. Из ответов следовало, что проблема непонятно-

сти богослужения осознавалась многими [17, с. 24–31; 9, с. 61–74].

В 1907–1917 гг. при Синоде работала Комиссия по исправлению богослужебных книг, во главе которой стоял архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский). Комиссия стремилась сохранить церковнославянский язык в качестве богослужебного, но при этом сделать его более понятным для верующих. В 1912 г. вышло исправленное издание Постной Триоди, а в 1914 г. – Цветной. Революционные события прервали эту работу, а нераспроданная часть тиража исправленных книг погибла [9, с. 74–124; 17, с. 194–258].

Вопрос о языке богослужения встал на Поместном Соборе 1917–1918 гг. Соборный отдел «О богослужении, проповедничестве и храме» подготовил проект «О церковно-богослужебном языке», в котором декларировалась важность церковнославянского языка как богослужебного, однако допускалась возможность богослужения на русском и украинском языках. При этом проект призывал воздержаться от резких шагов в деле перевода на национальные языки, указав, что немедленная и повсеместная замена церковнославянского языка неосуществима и нежелательна. Согласно этому проекту, переводы и исправленные редакции богослужебных текстов должны были подлежать

обязательному утверждению церковными властями. Проект учитывал не только пожелания сторонников перевода, но и позицию тех, кто видел решение проблемы понятности богослужения в изучении церковнославянского языка и подготовке комментированных изданий богослужебных текстов. Предусматривалось издание популярных пособий, учебников и т.д. Этот проект не обсуждался на пленарных заседаниях Собора и не приобрел статуса соборного деяния. На церковную дискуссию последующих десятилетий этот документ не повлиял, поскольку впервые был опубликован лишь в 1993 году [9, с. 157–159; 296–297; 17, с. 158–170; 18, с. 256–275; 19, с. 19–25; 833–920].

Окончание работы Собора пришлось на начало периода большевистских гонений на Церковь. В ситуации гонений работа над переводами была невозможна, поэтому содержательная дискуссия о языке богослужения прерывается. Однако в 1920–1930-е годы произошло событие, оказавшее на обсуждение этой темы крайне негативное влияние. Речь идет об обновленческом расколе.

Не касаясь специально этой огромной темы [9, с. 180–223], отметим, что обновленческое движение было создано по инициативе властей, которые видели в нем средство борьбы с Русской Церковью. При огромном количестве

деклараций о необходимости литургических реформ, русского богослужения и т.д., никаких практических шагов в этом направлении обновленческое руководство не предпринимало. При этом среди священников, примыкавших к этому движению, были и активные сторонники русификации. Поддержки со стороны обновленческого центра эти священники не получали. Более того, на обновленческом соборе 1925 года Александр Введенский выступил с резкой критикой переводческих опытов священника Василия Адаменко, призывая к умеренности и осторожности. Характерно, что спустя несколько лет Сергей (Страгородский), приняв протоиерея Адаменко, вернувшегося из обновленчества в патриаршую церковь, благословил его служить на русском языке [9, с. 326–333]. Лишь в конце 1920-х годов обновленческий синод начал какие-то работы по переводу богослужения, однако результаты этой деятельности не были напечатаны и до сих пор о них ничего неизвестно.

В настоящее время можно считать доказанным, что органы обновленческого церковного управления не вводили богослужения на русском языке и не проводили общеобязательных литургических реформ. Литургические эксперименты оставались делом маргинальных обновленческих группировок, не пользующихся поддержкой лидеров движе-

ния. Однако в сознании потомков обновленцы прочно ассоциируются с богослужением на русском языке и активным реформаторством. Ярлык «обновленец» используется в церковной дискуссии и сейчас.

Возобновление дискуссии в постсоветское время

Дискуссии о богослужебном языке возобновились в начале 1990-х годов. За советский период истории России языковая ситуация претерпела радикальные изменения. В результате большевистской программы ликвидации неграмотности средневековая практика начального обучения чтению по славянскому Букварю и Часослову отошла в прошлое. Образовательной системы, поддерживающей бытование церковнославянского языка в крестьянской культуре, не стало. Церковнославянские тексты стали непонятными для существенно большего количества людей, чем это было до революции.

Позднесоветская и постсоветская церковная жизнь шла под флагом возрождения, возвращения к «святой Руси». Никто не был готов констатировать, что ситуация кардинально изменилась и церковная жизнь должна соответствовать новым реалиям, не воспроизводить предреволюционные образцы. Такие «реконструкторские» установки

не предполагали поисков новых форм. Однако частные опыты использования русского языка в богослужебной практике предпринимались. В частности, большой популярностью пользовался составленный митр. Трифоном (Туркестановым) акафист «Слава Богу за все», написанный на русском языке и использующий элементы поэтики Серебряного века. С конца 1980-х годов начал свои опыты русификации богослужения московский священник Георгий Кочетков. Первоначально это был даже не собственно перевод, а русификация славянского текста Служебника. Он служил по стандартному печатному Служебнику, в текст которого от руки вносились исправления. Эти опыты осуществлялись явочным порядком, без благословения священноначалия. Тексты, на которые можно было получить благословение, отсутствовали. Была предпринята попытка получить благословение патриарха Алексия II на общие принципы русификации богослужения, но она потерпела неудачу. Литургические эксперименты священника Георгия Кочеткова вызывали достаточно негативную реакцию. В 1994 году в Москве прошла конференция «Единство Церкви», в значительной степени направленная против этой общины.

С 1991 года община начала публикацию своих переводов, что могло дать материал

для их содержательного обсуждения. Однако предметом дискуссии по-прежнему была сама возможность совершения богослужения на русском языке, а не конкретные тексты. Единственным исключением стала рецензия на сборник «русифицированных текстов», появившаяся в 1991 году, а затем неоднократно переиздававшаяся рецензия протоиерея Валентина Асмуса [20].

После конференции «Единство Церкви» и последовавшего в 1997 году запрещения священника Георгия Кочеткова в священнослужении (прещения были сняты в 2000 г.) обсуждение вопросов языка богослужения в основном проходило в негативно-охранительском ключе. При этом стали появляться исторические исследования, посвященные этому вопросу [9; 17; 18; 21].

Летом 2011 года на сайте Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви был опубликован проект документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной Церкви XXI века». Проект декларировал сохранение церковнославянского языка в качестве богослужебного, однако предусматривал ряд мер, направленных на исправление богослужебных книг, подготовку толкований, комментированных переводов и т.д. Несмотря на то, что этот документ ни в коей мере не призывал к реформам и ломке тра-

диционного строя богослужения, он вызвал огромную волну критики. На сайте Межсоборного присутствия этот проект собрал более 1000 откликов, в то время как количество откликов на остальные проекты не превышало 100 [22]. В итоге проект был отложен и не получил статуса общецерковного документа.

Ситуация стала меняться, после того как 23 марта 2019 года митрополит Тверской и Кашинский Савва (Михеев) совершил Литургию на русском языке. Литургия была совершена по просьбе общины, принадлежащей Преображенскому содружеству малых братств, которое возглавляет священник Георгий Кочетков. При этом использовался перевод, изданный Преображенским содружеством. А спустя полтора месяца – 11 мая – пресс-секретарь Святейшего Патриарха Александр Волков совершил по тому же переводу детскую литургию. Можно предположить, что возможность таких частных литургических экспериментов указывает на позицию священноначалия.

***Богослужебные тексты
на русском языке и необходимость
осмысления переводческой практики***

В настоящее время имеется целая библиотека богослужебных текстов на русском языке. Причем можно говорить, по крайней мере,

о четырех крупных переводческих проектах. Попытаемся вкратце охарактеризовать их.

Переводческий проект священника Василия Адаменко (иеромонаха Феофана). Для священника Василия Адаменко (1885–1937) русификация богослужения была делом жизни. В 1922–1931 гг. Василий Адаменко примыкал к обновленчеству, однако обновленческие власти не одобряли его переводов, в то время как после его воссоединения с патриаршей церковью местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) разрешил общине пользоваться для богослужения русским переводом. В Нижнем Новгороде священник Василий Адаменко издал «Служебник на русском языке» (1924), «Порядок всенощного богослужения на русском языке» (1925), «Сборник церковных служб, песнопений главнейших праздников и частных молитвословий Православной Церкви на русском языке» (1926; переиздано в 1989 г. в Париже) и «Требник» (1927) (См. Кравецкий и Плетнева, 2001: 215–217; 329–333).

Переводческий проект священника Георгия Кочеткова и Преображенского содружества малых братств. Публикация этих переводов началась в 1991 году. В настоящее

время имеется семитомник «Православное богослужение в переводе с греческого и церковнославянского языков». Задачей этих переводов является создание русского богослужебного текста, который мог бы звучать в храмах. В работе над переводами участвовала команда переводчиков, но концепция и общее руководство принадлежит протоиерею Георгию Кочеткову. Переводы неоднократно переиздавались, причем от одного издания к другому текст постоянно редактировался и исправлялся.

Переводческий проект Анри Волохонского. Поэт Анри Волохонский (1936–2017) начал работу над русскими переводами богослужебных текстов по просьбе священника храма Христа Спасителя в Нью-Йорке Михаила Аксенова-Меерсона. Работа началась в 1982 году и продолжалась 30 лет. Переводы А. Волохонского отличаются высоким литературным уровнем. Переводчик предлагает не дословный перевод, а создает на русском языке самостоятельную версию богослужебных песнопений. В 1994 году в Нью-Йорке по благословию архиепископа Нью-Йоркского и Нью-Джерсийского Петра был опубликован «Чин Крещения и Миропомазания». А в 2016 году переводы Анри Волохонского вышли в Москве в виде

сборника «Богослужебные тексты и псалмы на русском языке». В 2018 году содружество «Артос» начало выпуск серии переводов Волохонского, приспособленных к нуждам чтения на клиросе. Первой книгой этой серии стало «Чинопоследование таинств крещения и венчания в переводе Анри Волохонского» (М., 2018).

Переводческий проект иеромонаха Амвросия (Тимрота). Это частный опыт литургических переводов, осуществленных иеромонахом Амвросием (Тимротом), клириком РПЦЗ под омофором митрополита Нью-Йоркского и Восточно-Американского Агафангела. Переводы размещаются в Интернете на портале azbuka.ru. Ряд последований даются как в русской, так и в церковнославянской версии.

Переводческий проект Николая Нахимова (Н.Ч. Зайончковского). Николай Чеславович Зайончковский (1859–1920) издал в 1912 году под псевдонимом Николай Нахимов сборник «Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями». В этом издании церковнославянский текст молитв сопровождается русским переводом с греческого языка. Начиная

с 90-х годов XX века этот сборник неоднократно переиздавался. Н.Ч. Зайончковский стремился к максимально точному переводу с греческого.

Перечисленные выше переводы – это лишь небольшая часть русских богослужебных переводов, имеющих в настоящее время. Для многих богослужебных последований имеется несколько переводов. Например, Литургия Иоанна Златоуста переведена уже не менее 10 раз, Чин крещения – не менее 5 раз и т.д. Все это позволяет начать серьезный разговор о технических проблемах, которые встают перед переводчиками. Благодаря Интернету в дискуссии о том, как должен выглядеть русский текст православного богослужения, может участвовать достаточно широкая аудитория. Дело в том, что заметная часть переводов оцифрована и доступна пользователям Сети. В 2019 году на просветительском портале «Церковнославянский.онлайн» появился аннотированный указатель литургических переводов, имеющих в Сети. Хочется надеяться, что эпоха огульной критики и политических обвинений подходит к концу. Литургическая поэзия, способы ее интерпретации и перевода ставят перед нами массу филологических и богословских проблем, нуждающихся в осмыслении и решении.

Примечания

1. Несколько сложнее обстояло дело в церковно-приходских школах, где, благодаря усилиям С.А. Рачинского, церковнославянский элемент занимал более существенное место.

2. Строго говоря, это был не первый опыт публикации на русском языке инославных литургий. В 1799 г. появился русский перевод армянской литургии (еще один перевод был издан в 1857 г.), в 1864 г. издан русский перевод Литургии Апостольских постановлений, в 1866 – перевод яковитской литургии, в 1869 г. – абиссинской, в 1873 г. – католической [13, с. 16–17].

Список литературы

1. Эдельштейн, Ю.М. Проблемы языка в памятниках патристики / Ю.М. Эдельштейн / История лингвистических учений. Средневековая Европа. – Л.: Наука, 1985. С. 157–206.

2. Успенский, Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). / Б.А. Успенский – М., 2002. 559 с.

3. Псалтирь 1683 года в переводе Авраамия Фирсова: Текст, словоуказатель, исследование. Предисловие, исследование, подготовка текста и составление словоуказателя Елены Целуновой. – М.: Языки славянских культур, 2006. 623 с.

4. Живов, В.М. История языка русской письменности / В.М. Живов. – М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Университет Дмитрия Пожарского, 2017. Т. 1–2 1285 с.

5. Сумароков, А. Стихотворения духовные / А. Сумароков. – СПб.: При Императорской академии наук, 1774.

6. Trediakovskij, Vasilij. Psalter 1753. Erstaussgabe. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky / Vasilij Trediakovskij. Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn – München – Wien – Zürich: Ferdinand Schöningh, 1989. 663 p.

7. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений. Поэзия. Ораторская проза. Надписи / М.В. Ломоносов. – М.–Л., 1959. Т. 8. 1279 с.

8. Кравецкий, А.Г. Литургический язык как предмет этнографии / А.Г. Кравецкий / Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. – М.: Индрик, 1999. С. 228–242.

9. Кравецкий, А.Г. История церковнославянского языка в России (конец XIX – XX вв.) / А.Г. Кравецкий, А.А. Плетнева / Отв. ред. А.М. Молдован. – М.: Языки русской культуры, 2001. 400 с.

10. Плетнева, А.А. Лубочная библия: язык и текст / А.А. Плетнева. – М.: Языки славянских культур, 2013. 391 с.

11. Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках, переведенные на русский язык Евграфом Ловягиным. – СПб., 1855 (книга переиздавалась в 1861, 1875 и 2015 гг.).

12. Сове, Б.И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках / Б.И. Сове // Богословские труды. Сб. 5. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1970. С. 25–68.

13. Собрание древних литургий восточных и западных в переводе на русский язык. Вып. 1–5. – СПб., 1874–1877.

14. Воскресная служба Октоиха всех восьми глав или напевов на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопение малой вечерни, великой вечерни, полунощницы, утрени и литургии // Пер. с греч. И.Ф. Ловягин. – СПб, 1888. [Книга переиздана в 1892 и 1995 гг.]

15. Успенский, В., протоиерей. Сборник церковных песнопений с переводом их на русский язык / В. Успенский, прот. – М, 1911.

16. Молитвы и песнопения Православного Молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями Николая Нахимова [Н.С. Зайончковского]. – СПб, 1912.

17. Балашов, Н.В., протоиерей. На пути к литургическому возрождению / Н.В. Балашов, прот. – М.: Культурно-просветительский центр «Духовная библиотека», 2001. 507 с.

18. Священный Собор Православной Российской Церкви. Из материалов Отдела о богослужении, проповедничестве и храме / Подготовка текста, составление и комментарии А.Г. Кравецкого / Богословские труды. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 1998. Сб. 34. С. 202–388.

19. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 15 (Кн. 1) / Материалы Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. Библейский отдел / Сост., подготовка текста, предисл. и примеч. А.Г. Кравецкого. – М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2019 (в печати).

20. Асмус, В., протоиерей. Засекреченная книга. О книге священника Георгия Кочеткова «Православное богослужение: русифицированные тексты Вечерни, утрени и литургии» / В. Асмус, прот. / Со-

временное обновленчество – протестантизм «восточного обряда». Сб. / Сост. Н. Каверин. – М., 1996.

21. Язык Церкви. Сб. 1–3. – М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1994–2004

22. Великанов П., протоиерей. Опыт интернет-обсуждения документов Межсоборного присутствия / П. Великанов, прот. // Православие и мир. 29 января 2012 г. Электронный ресурс: <https://www.pravmir.ru/opyt-internet-obsuzhdeniya-dokumentov-mezhsobornogo-prisutstviya-video/> (Дата обращения: 10.06.2019)